

Признанія в Москвѣ

В процессах о предательствѣ, которые вот уже десять лѣтъ слѣдуют в Москвѣ один за другим, и всѣ похожи друг на друга, есть много темных сторон, не говоря здѣсь о тѣх вещах, которыя являются вполне ясными и которыя вызывают ужас или отвращеніе, возмущеніе или состраданіе. Но самый темный из вопросов, смущающих человѣчскій разумъ, это несомнѣнно вопрос о единодушных и неистовых признаніях. Многое, что вытекало из этих процессов, неоднократно подвергалось уже сужденію, и общественное мнѣніе нынѣ окончательно установило цѣну правдивости обвиненій и справедливости приговоров. Оцѣнена в достаточной мѣрѣ искренность признаній и раскаяній, полагаемых в основу приговора к суду и являющихся единственнымъ доказательством виновности. Но вопрос о признаніях этим никак не разрѣшен и, по меньшей мѣрѣ, нуждается еще в освѣщеніи. Надо вновь разсмотрѣть его во всей совокупности.

Уже в первом, шахтинском процессѣ в іюнь 1928 года всѣ обвиняемые без исключенія признались в невѣроятных преступленіях, которыя приписало им «совѣтское правосудіе». На слѣдующем сто пятьдесятъ раскаявшихся, около девяноста были не большевики (сами шахтинцы, промышленники, затѣм меньшевики, да еще англійскіе и нѣмецкіе инженеры); это исключает объясненія, основывающіяся исключительно на партійной психологіи. В большинствѣ это были не славяне, так что отпадают и аргументы, идущіе от извѣстныхъ разсужденій о русской душѣ. Наконец, кромѣ тѣх ста пятидесяти, которые предстали перед судом, тысячи были осуждены при закрытыхъ дверях; о расправѣ с ними пресса совершенно умолчала, и никто не знает, признались они или нѣтъ, так что безспорное обобщеніе сдѣлать невозможно. Для правильнаго пониманія надо отмѣтить еще обстоятельство, на которое уже неоднократно указывалось, а именно, что всѣ «громкія имена» оказываются в числѣ наиболее унижающихся.

Уже один факт единодушiя при публичном признанiи свидѣтельствует, что мы имѣем перед собою отбор обвиняемых и как раз тѣх из них, которые согласились играть роль, навязанную им режиссерами. Это подтверждается и другим обстоятельством, не менѣе убѣдительным: болѣе трехсот, так называемых виновников или сообщников, упомянутых в ходѣ процессов, так и не представили перед «судом». И третiй факт подтверждает два предыдущих: внушительное число самоубiйств. Можно поэтому признать неоспоримой ту точку зрѣнiя, которая относит на счет ГПУ умѣлую техническую подготовку, гдѣ специалисты показали себя настоящими мастерами в дѣлѣ вынужденных признанiй.

Слѣдует еще отмѣтить, что понадобилось шесть мѣсяцев для того, чтобы смастерить процесс 16 (Зиновьев - Каменев), еще шесть мѣсяцев для процесса 17 (Пятаков - Радек) и болѣе года для процесса 21 (Рыков - Бухарин). Болѣе того, удивительное тождество признанiй за все время с 1928 по 1938 г., с нѣкоторыми лишь незначительными вариациями привѣнительно к потребностям европейской дипломатiи и к особенностям внутри-совѣтской политики, не оставляет никаких сомнѣнiй в их истоках: признанiя эти продиктованы полицейской властью правительства.

Значит, сто пятьдесят побѣжденных, нравственно и физически разбитых длительным заточенiем в исключительно жестоких условiях, «обработанных» во время изнуряющих допросов опытными мастерами по растлѣнiю и пыткѣ человеческой души, доведенных в концѣ концов до той моральной депрессii, за которой начинается душевная болѣзнь, поддались настоянiям безсовѣстных побѣдителей. Чему же тут особенно удивляться? Дѣло идет о побѣжденных, находящихся в полной власти побѣдителей и поставленных перед ужасающими перспективами, которыя управляют их словами.

Часто возражают, что будущiе осужденные, наученные исходом предыдущих процессов, не могут уже болѣе питать иллюзiй и, заранѣе зная, что обречены на гибель, не заинтересованы в том, чтобы играть постыдную и жуткую комедiю. Это ровно ничего не мѣняет, так как жить и умирать можно по разному. Можно понять, почему, вынужденные повторять заученный урок, под страхом, что, вмѣсто пули в затылок, равносильной скорому избавленiю, они будут подвергнуты безконечным мукам и подвергнут им и своих близких, — почему обвиняемые, к тому же заранѣе

отобранные, как было указано выше, признаются в самых невѣроятных преступленіях: это плата за простую и голую смерть. Зачѣмъ подвергаться напраснымъ страданіямъ? При этой гипотезѣ, упорствующими, дѣла коихъ разсматриваются при закрытыхъ дверяхъ, являются тѣ, кто менѣе уязвимъ, — за отсутствіемъ ли семейныхъ привязанностей или за меньшей податливостью угрозамъ (из-за безвѣрія или по стоицизму). Дѣйствительно, надо совершенно забыть о тѣхъ страшныхъ способахъ давленія и воздѣйствія, которые тамъ примѣняются опытнѣйшими заплечныхъ дѣл мастерами, чтобы расцѣпывать московскія признанія такъ, какъ будто ихъ дѣлаютъ политическіе заключенные во Франціи, защищенные законами и обычаями, допрашиваемые любезными слѣдователями, при гуманномъ отношеніи благодушныхъ тюремщиковъ.

Даже будучи почти убѣжденными в неминуемо скорой гибели, — а «пока человекъ живъ, онъ уповаетъ», гласитъ велѣдъ за Экклезіастомъ народная мудрость, — у жертвъ Сталина можетъ еще быть послѣдній расчетъ, который и опредѣлялъ ихъ поведеніе. Не показательно ли, в самомъ дѣлѣ, что мы ровно ничего не знаемъ о тѣхъ условіяхъ заточенія, в которыхъ находятся плѣнные этой категоріи, к которымъ никого не подпускаютъ, в то время, какъ тюремный режимъ, нигдѣ болѣе в мірѣ не является секретомъ, и даже царскій режимъ не дѣлалъ изъ него тайны? То, что стало извѣстнымъ изъ немногочисленныхъ разсказовъ нѣкоторыхъ лицъ, перенесшихъ на себѣ эти ужасы и вырвавшихся на Западъ, обязанныхъ спасеніемъ своей личной незначительности или иностранному происхожденію, позволяетъ сдѣлать самый тяжкій выводъ: Бастилія была мѣстомъ ужаснѣе по сравненію съ совѣтскими тюрьмами. До тѣхъ поръ, пока обстоятельства не позволятъ услышать свободный голосъ кого-нибудь изъ спасшихся отъ этой бойни, и такого человекъ, чей голосъ звучитъ громко, до тѣхъ поръ придется судить лишь по болѣе или менѣе спорнымъ предположеніямъ.

Но истинная проблема еще не в этомъ. В концѣ концовъ, можно допустить признанія, на которыхъ лежитъ печать безысходности, согласіе механическое; и значительная часть допросовъ являла именно эту картину пассивнаго пріятія, отличавшуюся односложными отвѣтами. Но вотъ чего нельзя понять, — признанія, которое оснащается деталями с такой болтливой угодливостью; того, что Блюмъ назвалъ намѣренной обваженностью, а другіе — мазохизмомъ или садизмомъ самобичующихся изувѣровъ большевистскаго декадана,

— эта ораторская развязность несчастных жертв, уже обреченных палачу, способных не только безчестить себя до крайности, но и расширяющих рамки подлости оговором невинных и обвинением товарищей. Что все время поражает, это — невозможность отличить рѣчи обвиняемых от рѣчей обвинителей, эта непринужденность, с которой всѣ они говорят, естественность общаго им всѣм языка, тона подобнаго пѣснѣ, и рефрена, напоминающаго куплеты (еще одно доказательство, скажем мимоходом, единства источника). Что сдѣлало проблему повидимому неразрѣшимой и смущает всѣх, это — виртуозность нѣкоторых в приписываніи себѣ преступленій, которых они никогда не совершали, о которых они даже никогда не могли и подумать; их способность создавать впечатлѣніе дѣйствительной виновности и полной искренности.

Об'ясненіе этого явленія лежит пѣбликом в словѣ «ложь». СССР это страна лжи, абсолютной лжи, интегральной лжи. Сталин и его подданные вѣчно лгут, лгут неустанно, при всяком случаѣ, и из - за лжи даже не знают, что лгут. Они живут в атмосферѣ, насыщенной ложью. А когда всѣ лгут, то никто уже не лжет, говоря ложь. Там, гдѣ все лжет, нѣтъ больше лжи. СССР пропитан ложью от основанія до верху. В четырех словах, обозначенных этими инициалами, заключается по меньшей мѣрѣ четыре обмана. В конституціи, в каждом ея параграфѣ—многократная ложь. Ложь это естественный элемент псевдо-совѣтской общественности. По основным законам Сталин не существует—ложь. По юридическому толкованію не существует больше и ГПУ — ложь. Политбюро, судя по официальным документам, и вообще не существовало никогда — ложь. Партія — лучшая часть народа — ложь. Права граждан, демократія, свободы — ложь. Пятилѣтки, статистика, результаты, достиженія — ложь. Статьи и цифры — ложь. Займы, подписка — ложь. Доказательства — обман. Фотографіи — ложь. Свидѣтели, показанія — лжесвидѣтели и лжепоказанія. Собранія, с'ѣзды, — театр, постановка. Диктатура пролетаріата — величайшее лицемеріе и обман. Спонтанейныя движенія масс — тщательная подготовка. Правая, лѣвая — ложь и ложь. Стаханов — обманщик. Стахановщина — обман. Веселая жизнь — траурный фарс. Новый человек — древній горилла. Культура — безкультурие. Геніальный вождь — тупой тиран. Соціализм — безстыжій обман. Счастливейшая в мірѣ молодежь — величайшая мировая ложь. Единодушіе? Ложь. Троцкизм? Ложь. Терроризм?

Ложь. Шпіонаж? Ложь. Даже гвозди, подсыпанные в масло, не могут быть ничѣм иным, как непомѣрной ложью при чудовищной цѣнѣ на совѣтскіе гвозди, которых, впрочем, и найти нельзя. Единственная реальность: террор, разлагающій ум, отравляющій души. Ложь и обман — это первѣйшій спутник террора.

Большевизм начал с абстракцій, продолжался среди фикцій и закончил обманом и ложью. Теперь один только Сталин имѣет право голоса, и он лжет. Но и большевистская оппозиція, когда она не имѣла голос, тоже лгала. На митингах, которые облыжно называли сѣздами, на пленарных засѣданіях центральных комитетов всѣ фракціи лгали с единственной цѣлью обогнать других, урвать побольше власти в надеждѣ в дальнѣйшем дорваться до всей ея полноты. Лгали правители, обвиняя оппозицію то в правом, то в лѣвом уклонѣ, когда на самом дѣлѣ они всѣ были в общем согласны и оговаривали фракціи, которыя были повинны как раз в том, что не существовали. Лгали оппозиціонеры, образуя потом фракціи и увѣряя, что этого не дѣлают, а затѣм клялись, что распустили их, когда скрывали их в подпольѣ. Утвержденія одних? Ложь. Отричанія других? Ложь. Всеобщія завѣренія? Ложь. Говорить правду? Мелко-оуржуазный предрасудок. Врать? Цѣлесообразность...

И тѣ и другіе лгали, ссылаясь на «рабочих», мнѣнія которых никто из них никогда не спрашивал. Они лгали, говоря и о крестьянах, когда подсчитывали кулаков, или исчисляли урожай, — всегда для того, чтобы отнять плоды их труда. Всѣ, вмѣстѣ с Лениным, они ошиблись, когда в Октябрѣ принимали за реальность свои желанія; вмѣстѣ, но без Ленина, должны были обманывать самих себя и лгать другим, чтобы не отступать; вмѣстѣ, послѣ смерти Ленина, изошрялись друг перед другом во лжи в своих жуазный предрасудок. Врать? Цѣлесообразность... стѣ лгали они о заработной платѣ, о просвѣщеніи, о достижениях, о строительствѣ, тогда как умѣли только разрушать (конечно, было не мало такого, что подлежало разрушенію из наслѣдія прошлаго); продолжали врать послѣ кончины Ленина и старались обманывать друг друга, отлично зная, что никто никого не обманет. Всякій раз, когда какая-нибудь оппозиція «признавала свои ошибки», она обманывала. Каждый раз, когда какой-нибудь оппозиціонер клялся, — он надувал. Всякій раз, когда «вождь» дѣлал

вид, что он прощает, он обдумывал мценіе. Всякій раз, когда «партія» кричала о своей монолитности и нерушимом единствѣ, она издѣвалась над всѣми. Нынѣшніе процессы продолжают вчерашніе «пленумы» и позавчерашніе «сѣзды»: всѣ их участники лгут. Обвиняемые, обвинители и свидѣтели — всѣ изощряются в искусствѣ называть вещи не своими именами. Невысказанная мысль — контр-революція. Невысказываемое сомнѣніе — шпионаж. Дух критики — терроризм. Огорченіе — троцкизм. Эпиграмма — убійство. Анекдот — измѣна. Каламбур — преступленіе. Единственное, что достовѣрно во всѣх этих процессах, полных недостовѣрностей, это то, что всѣ лгут, и прокурор, и обвиняемые, невидимый по соприсутствующій падач и видимыя, осязаемая жертвы. Ложь — их общая стихія, их привычка, их вторая натура.

Слишком забываются слѣдующія одно за другим заявленія о покорности, отреченіи и раскаяніи, которыми Зиновьевы, Каменевы, Пятаковы, Радеки, Рыковы и Бухарины покупали свое возвращеніе в партію и к власти, подавая примѣр другим «опозиціонерам», в большинствѣ своем тоже простирившимся ниц перед Сталиным. Эти свидѣтельства единственной в своем родѣ низости, когда люди унижаются как бы для собственнаго удовольствія и поют хвалу величію сатрапа, котораго они ненавидят и презирают, были добыты одной лишь пыткой — перспективой быть отставленными от политической жизни, и одним лишь давленіем — их собственным представленіем о том, что личный интерес или интерес котеріи равен интересу коллектива. Чтобы вновь войти в милость и выбраться на политическую арену, чтобы получить новыя возможности вести интриги и маневрировать, — всѣ средства были пригодны, начиная с жи. Точно также особое пониманіе их преходящаго или конечнаго интереса развязало языки тѣм же интриганам, пронырам и лжецам во время слѣдствія и на засѣданіи суда для новых заявленій о виновности, о сожалѣніи, о раскаяніи. Когда - то они произносили заступленные панегирики Сталину, употребляя во славу его всѣ превосходныя степени, злоупотребляя всѣми гиперболами; а потом, вышивая узоры по канвѣ ГПУ, признавались, что хотѣли любой цѣной сокрушить своего идола, одновременно предать и родину, вызвать войну, привести страну к пораженію, погубить режим, саботировать промышленность, транспорт, земледѣліе и прочее. И все это были потоки жи. Лживость признаній

такая же, что и лживость дифирамбов. Для большевиков всё отъёнок — это политика. Цѣлесообразность...

С 1925 года оппозиція, соперничая в ловкости и коварствѣ с правящей кликой, которая скоро свелась к одному человѣку, вступила на путь, приведшій к фальшивым признаніям и окончательному позору. До недостойных признаній были гнусныя отреченія. Когда Макс Истман, первый человѣкъ, которому удалось напечатать честную книгу о кризисѣ большевизма — «С тѣх пор, как Ленин умер», — гдѣ он взял под свою защиту Троцкаго, и сообщил кое-какія правдивыя свѣдѣнія о тогдашнем положеніи Россіи, Троцкій отрёкся от него, обозвав автора контр-революціонером. (Позднѣ Троцкій, в письмѣ к Муралову, объяснил, что это был с его стороны чисто тактический шаг). Когда друзья заграничѣ опубликовали знаменитый документ, извѣстный под именем «завѣщанія» Ленина, то Троцкій и Крупская отрицали его достовѣрность, несмотря на то, что документ этот именно Крупской был передан лично через Троцкаго (опять цѣлесообразность...). Когда группа французских коммунистов и синдикалистов рѣшила противостать «большевизаціи» и, между прочим, принять на себя защиту Троцкаго против официальной большевистской клеветы, Троцкій также отрёкся от них, назвавши их контр-революціонерами (все та же тактика, цѣлесообразность...). А когда всё коммунистическія оппозиціонныя группы в С.С.С.Р. совершили непоправимую ошибку, образовавъ «блок», т. е. одно цѣлое из неразрѣшимых противорѣчій, то при первом же испытаніи великіе тактики большевистско-ленинской «реальной политики» отрёклись от своего болѣе слабого, но наиболѣе почтеннаго союзника — рабочей оппозиціи, — сдѣлав это в формах менѣе унижительных для нея, чѣм для самих себя; затѣм отрёклись друг от друга и, расплывшись окончательно и переходя от разоблаченія к разоблаченію, к взаимному отрицанію, унижали самих себя во имя цѣлесообразности, пока все не кончилось смертью.

Таково моральное паденіе, приведшее к печальному эпилогу в видѣ московских процессов, к безстыдству, равнаго которому нѣтъ в исторіи, в особенности, в исторіи революцій. Ввести новшества в этой области вышло на долю большевиков как лѣвых, так и правых и центра. Послѣ аморализма — имморализм; послѣ имморализма — цинизм. От тактики к маневрированію и проискам,

отсюда — к цѣлесообразности; от благочестивой лжи ко лжи нечестивой. Так послѣдователи Ленина, катясь по наклонной плоскости, дошли до жутких признаній, возмущающих цивилизованный мір, напоминающих сцены из времен Іоанна Грознаго, когда бояре, которых пытали, среди воплей, страданій, возносили хвалу деслоту. Между Сталиным, который не убит, и его безудержными льстецами, которых он преспокойно убивает под предлогом раскрытія их преступных намѣреній, напрасно было бы искать различія по существу.

Не Бухарин ли в своей памятной интимной бесѣдѣ с Камневым, протокол которой передавался под полюю в Россіи и был затѣм напечатан за-границей в «Соц. Вѣстникѣ» (номера 6 и 9, 22-го марта и 4-го мая 29 г.), не Бухарин ли осуждал там Сталина за то, что он не предложил ни к кому примѣнить высшую мѣру наказанія со времен шахтинскаго процесса? Не очутившійся ли в изгнаніи Троцкій протестовал против сравнительной мягкости, которую проявил Сталин, пощадив осужденных на смерть в процессах промышленников и меньшевиков? Преслѣдуемые сохранили безтѣни смущенія свою душу преслѣдователей. Не Бухарин ли, в борьбѣ с легальной и лойяльной оппозиціей в 1923 г., пустилъ в обращеніе клеветническую легенду о попыткѣ лѣвых большевиков арестовать Ленина во времена Брест-Литовска, — легенду, которой Сталин потом воспользовался, чтобы задним числом сочинить заговор на жизнь Ленина в 1918 году и приписать его самому Бухарину 20 лѣт спустя? Иные, пожалуй, в этом рикошетном ударѣ, которым удесятеренная ложь смертельно бьет теперь ея творца, увидят проявленіе имманентной справедливости. И поэтому понятно, что долгія размышленія Бухарина в заточеніи привели его к безнадежному выводу, который мог бы стать надгробным словом о большевизмѣ: «Если ты умрешь, то во имя чего? А если тебя оставят в живых, то во имя чего ты будешь жить? На эти вопросы есть только один отвѣтъ: черная пустота».

Отвѣтственность, которая лежит на оппозиціях, на всѣх коммунистических оппозиціях, не менѣе значительна и в другой плоскости: именно Пятаков, в статьѣ, помѣщенной в «Правдѣ» под названіем «За Руководство» (23 дек. 1929 г.), первый провозгласил Сталина недосыгаемым вождем и дал толчок бессмысленной оргіи восхваленій. Это Бухарин, перед 17-м с'ѣздом Партіи, в 1934 г., возславил Сталина «фельдмаршалом революціонной ар-

ми». Это Зиновьевы, Каменевы и прочие Радеки, считая, что они перехитрят других, стремились перещегоолять в «подхалимажѣ» всѣх прислужников Сталина, всѣх развращенных политиков, прирученных интеллигентов, перепуганных чиновников, поглупѣвших партійцев, и конкурировали друг с другом в сервилizmѣ, смертельном для идеалов, на преданность к которым большевики все еще продолжают ссылаться. Всѣ гнали в надеждѣ обмануть главнаго мастера лжи и помѣшать ему что-либо различить в потокѣ искусственнаго славословія, источаемаго угодливым окруженіем. Но по части мошенничества — главный его мастер Сталин легко перегоняет их, обладая к тому же еще и тѣм преимуществом, что его не обременяют ни теоріи, ни угрызения совѣсти. Отлично разбираясь в двойной игрѣ своих закореѣбных противников, он притворяется не понимающим их хитрости, но неизмѣнно с одной задней мыслью: обманет хорошо тот, кто обманет послѣдній. Сталину же всегда принадлежит послѣднее слово в обманѣ.

А в конечном итогѣ всѣ эти «громкія имена» — раздутыя или незаслуженныя репутаціи, откровенно говоря, — маленькіе люди. На самом дѣлѣ, это были громкія имена для Россіи того времени, когда большевики захватили все, когда только они имѣли право говорить, писать, учить, печатать и, главное, имѣли привилегію рекламы, монополію шумѣть и кричать. В режимѣ даже мало-мальски демократическом, но допускающем нормальное соревнованіе и соперничество, очень немногія их этих имен пробились бы, развѣ что в иных условіях и ином окруженіи пріобрѣли бы, может быть, немного болѣе доброкачественную извѣстность. Ошибочно, как это часто дѣлается, смѣшивать их с дѣйствительно крупными именами русскаго революціоннаго движенія прошлаго и начала настоящаго столѣтія. Въ всякаго сомнѣнія, только немногіе большевики, выдержав испытаніе времени и серьезной оцѣнки, займут мѣсто среди выдающихся имен, которыя отмѣтит исторія. Ибо эта партія задушила индивидуальныя цѣнности, как она уничтожила цѣнности моральныя. Но это уже новая тема, которая отдаляет нас от... феноменологіи признаній; она заслуживала бы особаго разсмотрѣнія.

Как во всяком обществѣ, умонастроеніе правящей касты и здѣсь в извѣстной мѣрѣ наложило отпечаток на тѣ круги, из которых она сама рекрутируется. Практика большевистской лжи, столь почитаемой в единой партіи, силою вещей и слабостью лю-

дей, должна была распространиться и вокруг партіи, сначала как процесс естественной самозащиты, затѣм как способ преуспѣть, наконец, как линія наименьшаго сопротивленія, а главным образом, как слѣд рабства. Ложь слѣдует шаг за шагом за террором, который, начавшись с центра, перешел на периферію, чтобы затѣм мало по малу вернуться вспять к исходному пункту, гдѣ он сейчас бьет ключом в предательских процессах, в порядкѣ уничтоженія «старой гвардіи» коммунистов. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго в том, что одни и тѣ же признанія, одна и та же ложь повторяются на разных процессах, повторяются из разных уст, русских и нерусских, большевистских и меньшевистских, — одинаковыя причины вызывают одинаковыя слѣдствія в одинаковых тоталитарных условіях. Поверх «черной пустоты», о которой говорил Бухарин, заря новой эры займется над Россіей лишь в тот день, когда обстоятельства дадут возможность послѣдним процессам начать процесс великой лжи.

Б. Суварин.